

ВРЕМЯ И МЕСТО

Авангардный бог классического танца

Рассказы очевидца о жизни Михаила Барышникова

Майя Крылова

Нина Аловерт, балетный фотограф и журналист, уже более двадцати лет живет в Америке, но в России бывает часто — есть планы издания фотоальбомов и книг. Писать мемуары Аловерт пока не собирается. И зря. Ей есть о чем и о ком вспомнить: эта темпераментная, энергичная женщина тесно общалась, как жетса, с каждым вторым «персонажем» ленинградско-петербургской культуры 60–90-х годов. Ее рассказы о великом танцовщике Михаиле Барышникове полны «вкусных» подробностей, которые могут быть лишь у доброжелательного очевидца и верного друга.

Нина Николаевна, вы историк по образованию, работали в драматических театрах Ленинграда. И вдруг в вашей жизни появился танец, да еще стал увлечением на всю жизнь. Каким образом?

— Я начала снимать балет в начале 50-х годов исключительно по активности своей натуры. Увлечение же танцем у меня началось с легендарного спектакля 1947 года, когда в Кировском театре праздновали юбилей Мариуса Петипа и в «Спящей красавице» выступили сразу три выдающиеся балерины: Дудинская, Уланова и Семснова. Поначалу я фотографировала тайком. Такой же любитель съемок мне подсказал, куда надо поехать билет, и с этого места — номер один во втором ряду — я снимала до тех пор, пока не по-

танцовщицей, Миша ее приметил еще в школе. Эта квартира тоже была пустая, но зато с кошкой Анфисой и пуделем Фомой.

— Потом Фому тайно вывезли в Америку...

— Ничего подобного. Миша пытался, но не получилось. Вообще легенд о Барышникове ходило много, и не все столь безобидны. Друзья Миши вычисляли стукачей по распространяемым ими «ужасным» подробностям: «Ты знаешь, Миша звонил, он так страдает, живет буквально на ступенях нашего посольства, просится обратно»...

— О чем вы разговаривали?

— О балете и обо всем на свете. Он, например, хотел нестандартно сделать принца в «Лебедином озере», которое, кстати, так в России и не станцевал. И много рассказывал, как это будет, даже темпераментно показывал у меня в квартире, в просторстве между пианино и дверью. Миша шел от своего понимания Одетты-Одиллии: Черный лебедь — не двойник Белого, а сам по себе. «Понимаешь, — говорил он, — не мог принц спутать непохожих. Он не ошибся, он просто увлекся другой женщиной, чисто помужски». Мол, бывает — после блондинки вдруг нравится брюнетка. Миша хотел так станцевать вариацию принца на балу, чтобы зритель почувствовал восторг этой внезапной увлеченности.

А в «Жизели» он никогда не танцевал поддеца или беспечно го юношу, как другие. И не случайно хотел видеть невесту героя, Батильду, молодой. У нас ее традиционно исполняют артистки предпенсионного возраста роль-то мимическая. А Миша говорил, что так теряться ин-

Сегодня Барышников постигает премудрости современного танца. Балет Марты Грем «Кающийся».

Фото Нины Аловерт

В России широкая публика не привыкла к танцевальному авангарду

лучила официального разрешения. Место было аккурат под директорской ложей, прикрывавшей мое самоуправство, и рядом гремели ударники оркестра, заглушавшие все мои шумы. Так и довелось снять многих прославленных артистов, когда они еще не были знаменитостями.

Мишу Барышникова я впервые сняла на выпускном экзамене хореографического училища. Мой друг, танцовщик Александр Минц, попросил меня прийти на выпуск, чтобы запечатлеть его приятеля. Я добросовестно отщелкала, что надо, и положила фотоаппарат на колени: надо было как-то досидеть длинный и скучноватый концерт. Объявляют: «Дон Кихот», исполняет выпускник Барышников. И вдруг на сцену вылетает необыкновенный мальчик. С первой секунды я поняла, что это — явление, схватила аппарат, стараясь не пропустить ни одного момента. Дальше я уже снимала Мишу всюду, где только могла.

— Как вы познакомилась с Барышниковым?

— Удивительно, но теперь уже не помню. Мишу приняли в Кировский театр и как иногороднему (он из Риги) дали комнату на первом этаже, в коммуналке, недалеко от меня: я жила на улице Кошевого, а он — на Колпинской. Помню картинку: он идет навстречу, рядом — его подруга, у Миши сияющие глаза, а в руках пакет с чудесно благоухающим кофе. Был 1968 год. Мы начали общаться очень тесно, он ходил ко мне в дом как третий сын (у меня двое детей).

Миша тогда жил очень бедно. Стол у него был сделан из картонных ящиков — в такие пакуют продукты в магазинах. В комнате стояла раскладушка, вещи лежали чуть ли не в чемодане. Потом Мише дали однокомнатную квартиру на углу Даврижского и Мойки, в старом петербургском доме. Здесь он поселился с Таней Кольцовой, красивой кордебалетной

трига: получается, что Альберт просто сбежал от навязанной ему знатной старухи. А на самом деле суть «Жизели» — в принципе «мы в ответе за тех, кого приручили». Когда Миша возглавил Американский театр балета, Батильда в тамошней «Жизели» по его указанию была молоденькая. И получилось, как Миша рассказывал: трагедия началась, потому что его герой очень сильно влюбился в другую девочку и от счастья забыл, что уже кого-то приручил.

— Наступил день, когда Барышников стал невозвращенцем...

— Когда Миша остался в Канаде, всех его знакомых два дня таскали в КГБ. Сначала у меня перестал работать телефон — его ставили на прослушку. Потом телефон столь же внезапно включился, позвонил человек, представившийся майором, попросил приехать куда надо. Начался мелкий шантаж. «Напишите ему письмо». — «Куда написать?» — «На адрес вашингтонского посольства». — «И о чем?» — «Что он должен вернуться». Я (схидно): «Куда вернуться? Прямоком в Караганду?» Он (слегка неуверенно): «Ну зачем же сразу в Караганду...» Я отказалась. Тогда он предложил написать, что я думаю о Мише. Тут я дала слабину и согласилась, но написала, какой Миша замечательный и в жизни, и на сцене. Мне в голову не приходило, что в соседней комнате другие знакомые Миши сочиняют: вернись, блудный сын. Я потом спрашивала: зачем вы написали это дурацкое письмо? Ответы были разные. Одна дама спросила: а что, можно было не писать? А Михаил Жванецкий тоже отказался.

— Жванецкий тоже дружил с Барышниковым?

— А как же! В последний Мишин день рождения в Ленинграде, в январе 1974 года, Жванецкий читал ему свое грустное surrealistическое стихотворение в прозе: «Звучит легкая, очень легкая румынская музыка.

На репетиции. 1973 г.

Фото Нины Аловерт

По дороге бежит человек с веревкой на шее. Дома на него накричали, на работе на него накричали, и он бежит по дороге и трогает пальцами веревку... Под конец гэбэшники меня спросил: «Как вы думаете, не могли ли Жванецкий и Сергей Юрский уговаривать Барышникова остаться в Америке?» Я остоленбела от изумления, но тут же понял: в ГБ всерьез искали организацию, созданную врагами советской власти для побега Барышникова. Они не могли поверить, что Миша вообще не планировал оставаться, это было спонтанное решение, внутренне подготовленное, конечно, многими обстоятельствами его жизни. Гэбэшники искренне не могли понять: какого, как говорится, рожа? В театре — премьер, квартиру (на этот раз уже двухкомнатную) дали, за кордоном бывает... Что еще этому плясуну надо?

— А что ему было надо?

— Мишу морально убивал театральные консерватизм и система всяческих запретов, идеологических и художественных, с которой он ежедневно сталкивался. Возможно, последней каплей стал его творческий вепер, где Барышников танцевал неклассическую хореографию. Вечер этот дался Мише боль-

но, международная связь в моей квартире почему-то кричала, на работе не срабатывала. Наконец однажды в четыре часа утра — звонок: «Америка вызывает». Я слышу голос Саши, и он очень осторожно говорит: «У тебя все в порядке?» Я понимаю, что нас слушают, спрашиваю: «Увидишь ли ты Мишу?» Он так же осторожно: «Наверно...» — «Передай ему, что я его люблю». И вдруг трубку берет Миша... Это забываево.

Мы с ним договорились, что он будет звонить в мой день рождения и в свой. В эти дни у меня собирались все наши друзья. Общение шло с переменным успехом: иногда соединялись, иногда нет. Органы пытались давить: позвонит Миша, а на следующий день мне на лестничную клетку ставят грязного, уступающего вида типа, который сверлит взглядом дверь моей квартиры. Когда я собиралась уезжать, неожиданно пришла жена одного известного дирижера и предложила помочь в вывозе негативов моих балетных фотографий. Я как-то раз думала: какая топорная работа, на какую же дуру рассчитаны все эти бильные нитками шитые «случайности».

— А негативы вы все-таки вывезли?

— Это было очень сложно. У нас считалось, что это не моя, а государственная собственность. Часть негативов пропала, но снимки Миши и Наташи Макаровой удалось переправить. Кое-что через дипкорпус, другие положила в сапог знакомая американка.

— В 1977 году, когда ваш самолет приземлился в Штатах, в аэропорту вас встретил Барышников. А как складывались ваши отношения в Америке? Вы до сих пор общаетесь?

— Почти нет. Я о наших отношениях в Америке еще никому ничего не рассказывала. И сейчас не хочу. Обещала театральному Музею имени Бахрушина, что я запишу эту историю с условием публикации через 50 лет. Сейчас могу только сказать, что, когда я приехала — столкнулась с тесным кружком вокруг Миши, который постарался сделать абсолютно все, чтобы нас развести. И это им удалось.

Но мое отношение к Мише не изменилось. Для меня Барышников — по-прежнему самый великий танцовщик и один из самых замечательных людей, которых мне посчастливилось встретить в моей жизни. Хотя он бесконечно прославлен, его роль в истории танца и,

Нина Аловерт составила фотолетопись творчества Михаила Барышникова.

Фото из семейного архива

в частности, в американском балете еще не оценена по-настоящему. Миша повернул на новые рельсы не только классику, но и танец-модерн, когда закончил карьеру балетного премьеры и создал свою авангардную труппу.

— Его компания «White Oak Dance Project» существует уже многие годы...

— Да, и очень популярна. Я очень люблю балет в постановке Дианы Ритц «Unspoken territory» с его участием. Двадцать минут танца без музыки. Миша в прозрачной длинной «юбке» (что-то египетское). Сверху падает конус света, и он в этом конусе стоит и проводит рукой по глазам, по телу, жест очень интимный, а в финале — рукой закрывает себе глаза. И свет гаснет.

— У Барышникова есть спектакль, где он танцует под звуки собственного сердца.

— О да, это потрясающе! Здесь тема человеческой бренности и смерти, всегда Мишу волновавшая. К его груди крепили датчики, которые с другой стороны соединялись с усилителями. Миша выходит, и вы слышите стук сердца. Под этот ритм он танцует. И чем дольше танцует, тем быстрее бьется сердце, тем быстрее Ми-

ша двигается. Когда спектакль закончился, я разговорилась с врачом, который был на спектакле, он доказывал, что это подтасовка, потому что человек не может жить с таким сумасшедшим сердцебиением. А кончалось совершенно жутко: Миша уходил за сцену, в темноту, и динамики отключались. Когда я первый раз смотрела, он сразу вышел на сцену кланяться. А второй раз — вышел не сразу, и зал был просто в шоке: полное ощущение, что вот сейчас у человека остановилось сердце.

— Не могу не спросить вас об отношениях Барышникова с Иосифом Бродским.

— Это была нежнейшая дружба. В Ленинграде они не были знакомы, хотя, как позже выяснилось, ходили в гости в один и тот же дом: там они даже ухаживали за одной и той же девушкой. И Миша, и Иосиф, в общем, довольно сложные люди, но друг друга они очень ценили. Я думаю, потому, что каждый знал себе цену и при этом понимал, насколько гениален другой. Поэт и танцовщик любили друг в друге противоположный талант.

— Стихи Бродского о Барышникове общезвестны, как и слова поэта о танце друга: «Чистая метафизика тела». А что говорил Барышников о Бродском?

— Он обожал его стихи, знал их наизусть километрами. На сорок дней после смерти Бродского был поминальный вечер в одной из церквей Нью-Йорка. И Миша читал там стихи Иосифа по-английски. Я написала книгу «Барышников в России», там были слова «талант Бродского». Миша прочел и сказал: «Ничего себе талант» — с такой интонацией, что я сразу переправила слово «талант» на «гений».

— Почему Барышников не хочет приехать в Россию?

— Все, что я сейчас скажу, — мое личное мнение. Я его спрашивала и думаю, что он и сам особо об этом не распространялся. Наверное, дело в том, что Миша — человек замкнутый, он не любит все процедуры публичного узнавания.

— Абсолютно неагитационная психология!

— Абсолютно. Американцы часто недоумевают по этому поводу. Но в последние годы Миша, когда видит фотографа, бежит от него опростыля. И я думаю, что он не хочет вспоминать о той страшной боли, с которой жил первые годы в Америке. Но возможно, что в глубине души ему хочется приехать. Ведь он говорил, что когда-нибудь покажет своим детям Питер, так много для него значащий город.

— Приезжал же он в Ригу...

— Там к нему не кидались на улице, это не Нью-Йорк и не Петербург. И вот что я вспоминала: где-то году в 87-м, когда Миша руководил Американским балетным театром, в Штатах приехал Григорович и потряс всех сообщением: хочу пригласить выступить в Большом театре всех знаменитых невозвращенцев: Нуриева, Макарова, Барышникова. Он их на самом деле приглашал, но никто не поехал, хотя Наташа Макарова очень возбудилась. Все таки еще было рано, опасались козней органов. Миша тогда дал согласие приехать, но с условием: приедет не один, а со своей труппой.

— И что?

— Советская сторона (я не знаю, кто вел переговоры) отказалась.

Есть еще одна причина, почему Миша не хочет приехать сейчас в Россию с новой труппой. В России широкая публика не привыкла к танцевальному авангарду. Очень много людей, которые помнят Барышникова как юного бога классического танца, были бы сильно разочарованы, увидев его сегодня, в пятьдесят с лишним лет, в «странном» репертуаре. Хотя Миша по-прежнему танцует блистательно. Но когда артист заканчивает сценическую карьеру, главное — та легенда, которая после него остается.